

- Ваше Величество! - негромко напомнила Бичжу.

Услышав, что Ин Фушэн всё же пришел, наложница Нин на мгновение растерялась. Однако, помня о том, какой образ она создала для окружающих во дворце, она была вынуждена скрыть смятение и позволить ему войти:

- Пусть войдет.

Слуги поспешно передали приказ. Наложница Нин издали увидела приближающегося Ин Фушэна. Тот навещал её по несколько раз в день, и теперь, присмотревшись к его фигуре, она с нескрываемым удивлением обнаружила, что его вид стал гораздо лучше, чем прежде.

Этот жалкий, паршивый мальчишка, который раньше даже не мог самостоятельно подняться с постели, теперь внезапно обрел силы и даже мог свободно выходить из дворца.

- Матушка, я пришел засвидетельствовать вам свое почтение, - произнес Ин Фушэн и почтительно поклонился.

Наложница Нин, услышав его слова, ничего не ответила и лишь промолчала.

Ин Фушэн слегка приподнял глаза, взглянув на неё, и боковым зрением заметил на полу едва заметные пятна от воды. Даже несмотря на то, что их поспешно вытерли, следы всё ещё были видны, выдавая недавнюю суету.

Глядя на нынешний вид наложницы Нин, можно было с уверенностью предположить, что утреннее заседание принесло ей весьма «неплохие» новости.

Закончив приветствие, он хотел подойти ближе, но стоявшая рядом Бичжу решительно преградила ему путь:

- Ваше Высочество, наложница нездорова. Она очень боится заразить вас, поэтому, прошу вас, не приближайтесь. Имперский лекарь строго сказал, что наложнице сейчас нужен абсолютный покой.

Наложница Нин, плотно укутавшись в тяжелое одеяло, сидела на кушетке. Её лицо осунулось, под глазами залегли глубокие темные тени, и она выглядела так, будто действительно была тяжело больна и находилась на грани истощения.

- Тогда отдыхайте, матушка, я приду завтра, - Ин Фушэн, глядя издали на это жалкое притворство наложницы Нин, мысленно усмехнулся. Цель визита была полностью достигнута. Он велел Сунъяню передать принесенные из-за пределов дворца вещи и добавил: - Берегите себя, матушка, я откланиваюсь.

Наложница Нин провожала Ин Фушэна долгим взглядом, не отрываясь от его профиля, пока он не исчез из виду.

Когда Ин Фушэн вышел, болезненное состояние наложницы Нин не исчезло, но теперь к нему примешалось нечто иное. Её лицо помрачнело, и она долго, с каким-то странным напряжением, смотрела на подарки, которые он принес. Почему... почему её родной сын всё ещё томится под домашним арестом, а этот выскочка может так свободно перемещаться по дворцу? Она долго смотрела на вещи, и в какой-то момент у неё возникло непреодолимое, почти животное желание смахнуть всё это со стола одним резким движением. Стоявшая рядом Бичжу поспешно остановила её, а подняв взгляд, увидела, что лицо наложницы Нин вдруг исказилось от внезапного ужаса.

- Ваше Величество! - вскрикнула служанка.

В курительнице, стоявшей посреди зала, медленно тлел успокаивающий благовонный состав. Лицо наложницы Нин выглядело изможденным, а в этой сизой дымке она казалась какой-то чужой и странной.

С тех пор как они вернулись из храма Защиты Государства, с наложницей творилось что-то определенно неладное: она часто подолгу смотрела в одну точку и бормотала себе под нос, что хочет что-то уничтожить, стереть с лица земли.

Этот безумный вид приводил Бичжу в истинный ужас. В последнее время наложница почти перестала спать, часто просыпалась среди ночи в испуге и в порывах гнева разбила немало ценных вещей. Имперские лекари лишь разводили руками и советовали ей больше отдыхать. К счастью, на людях она всё ещё умела вести себя как обычно, но слуги из дворца Цынин, пришедшие вместе с шестым принцем, ещё не успели отойти далеко, как наложница едва не совершила какой-то совершенно неподобающий поступок.

- Его лицо... оно становится всё больше похоже, - прошептала наложница Нин.

Сердце Бичжу сжалось от дурного предчувствия:

- Ваше Величество, это лишь ваше воображение... Во дворце столько людей, и никто не замечает никакого сходства шестого принца с императрицей Сюй.

- Всё больше похоже... Нет, почему оно становится всё более похожим? - бормотала наложница Нин. Её тон и выражение лица в этот момент были по-настоящему пугающими.

Бичжу поспешно прошептала, пытаясь её успокоить и вернуть в реальность:

- Ваше Величество, прошу, сохраняйте спокойствие. Наследный принц всего лишь под домашним арестом, зачем вам так изводить себя?

Наложница Нин не ответила. Мрачная тень в её глазах не рассеялась, а напротив - стала лишь гуще и тяжелее. Она медленно закрыла глаза:

- Новости, которые я велела передать, уже распространились?

Увидев, что наложница Нин наконец пришла в себя и вернулась к делам, Бичжу вздохнула с облегчением:

- Рабыня всё устроила. Некоторые слуги, что раньше получали от вас милости, помогли без лишних просьб...

- Хорошо, - наложница Нин резко изменилась в лице. Она вспомнила, как два дня назад император специально вызывал Ин Фушэна во дворец Цяньцин. Наследный принц всё ещё оставался под арестом, а этот ублюдок раз за разом получал благосклонность государя. В полузабытьи перед глазами наложницы Нин снова всплыл силуэт из той роковой ночи в храме Защиты Государства - лицо, до боли похожее на императрицу Сюй. Видя, как этот образ постоянно возникает перед ней, она посмотрела на служанку с нескрываемой яростью.

- Закончив с этим, немедленно передай отцу письмо. Пусть он отправится к императору и...

Прошло ещё полмесяца. Шестой принц несколько раз приходил во дворец Вэйян, но каждый раз уходил ни с чем, так как наложница Нин была «нездоровая». Постепенно по дворцовым коридорам поползли едкие слухи, будто наложница Нин от невыносимой тоски по сыну совсем потеряла рассудок и пребывает в постоянной тревоге. Даже имперские лекари, приходившие проверять её пульс, подтверждали, что наложница глубоко тоскует по шестому принцу.

Шестой принц, как ни крути, всё же был сыном императора, а наложница Нин была жива. То, что вдовствующая императрица, жалея внука, оставила его у себя лечиться, было делом благородным и хорошим, но время неумолимо шло, и нельзя было вечно держать шестого принца во дворце Цынин.

Во дворце обитало множество других принцев и принцесс, и каждый из них стремился завоевать внимание правителя. Семья Нин долгое время пользовалась неоспоримой благосклонностью императора, а шестой принц, в свою очередь, был настоящим любимцем вдовствующей императрицы. Раньше наложницы лишь плели интриги и строили козни, и, узнав, что наложница Нин фактически оказалась под арестом у вдовствующей императрицы, даже тайно радовались её падению. Но кто же мог знать, что вскоре из дворца придут вести, гласящие, будто император весьма ценит прислужника Нин.

Наложницы были женщинами проницательными: кто из них не понял бы, что здесь применяется хитрая тактика «кнута и пряника»? Теперь, когда по всему дворцу разнеслись слухи о том, что шестой принц надолго поселился во дворце Цынин, а наложница Нин глубоко тоскует по сыну, разве могли они позволить ему и дальше проявлять сыновнюю почтительность у колен вдовствующей императрицы? Ведь если он задержится там слишком долго, как тогда сложится положение остальных принцев и принцесс, чьи матери не обладали таким влиянием?

Эти пересуды, словно лесной пожар, передавались из уст в уста и вскоре дошли до самых ушей императора.

Прислужник Нин в это время безукоризненно справлялся со своими обязанностями. После успешного завершения дела о храме павших воинов он взял на себя ещё два важных поручения, чем окончательно заслужил доверие императора. Пользуясь этим моментом, прислужник Нин несколько раз осторожно поднимал вопрос о шестом принце, ходатайствуя за наложницу Нин и мягко напоминая, что шестой принц ещё слишком мал и остро нуждается в заботе и тепле матери.

Император внимательно выслушал его, но ничего не ответил, оставив вопрос открытым.

Делами гарема император занимался редко, считая их второстепенными, и в этот раз лишь отправил доверенного человека во дворец Цынин, чтобы передать слова вдовствующей императрице.

Ин Фушэн все эти дни мастерски разыгрывал спектакль вместе с наложницей Нин: образ больной, изможденной матери и почтительного, заботливого сына был тем самым зрелищем, которое приходилось по душе всем окружающим.

Когда он в очередной раз пришел засвидетельствовать почтение вдовствующей императрице, то обнаружил, что в её покоях уже находятся несколько наложниц, увлеченно беседовавших с ней.

- Малыш Цин за эти дни стал таким крепким и статным! - с восторгом расхваливали наложницы любимца вдовствующей императрицы.

Вдовствующая императрица с легкой улыбкой ответила:

- Он немного растолстел.

- Полнота - к счастью и благополучию, - продолжали наложницы, время от времени с любопытством поглядывая на вошедшего Ин Фушэна. Одна из них привела с собой маленькую принцессу, которая сейчас смиренно сидела рядом с вдовствующей императрицей. Закончив фразу, наложница внезапно сменила тон и с явным намеком произнесла: - Слышала, шестой принц в последнее время тоже стал часто выходить за пределы дворца. Прислужник Нин совершил настоящий подвиг с храмом павших воинов, и теперь во всей столице только и говорят о том, как мудро правят император и вдовствующая императрица.

- Прислужник Нин действительно очень хорошо справился с этим делом, - спокойно заметила вдовствующая императрица.

Ин Фушэн, обладая острым слухом, уловил, что, хотя тон вдовствующей императрицы и был похвальным, в нем скрывалось легкое, едва уловимое недовольство.

Наложница, однако, не заметила этого нюанса и продолжала с энтузиазмом:

- Да, говорят, теперь все важные дела министерства обрядов ведет прислужник Нин. Это очень хорошо, теперь император и вдовствующая императрица могут быть совершенно спокойны. Верно, шестой принц?

- Вы так хорошо осведомлены обо всем, что происходит, - Ин Фушэн мягко улыбнулся, изобразив легкое смущение. - Я выходил лишь на несколько дней и почти не слышал никаких новостей о делах моего деда.

Лицо наложницы заметно дрогнуло, она поспешила объясниться:

- О чем вы, Ваше Высочество, ведь на улицах сейчас только об этом и...

- Довольно, - голос вдовствующей императрицы внезапно стал строже, обрывая собеседницу. - Я устала.

Наложница была явно недовольна тем, что её прервали на полуслове, но раз вдовствующая императрица высказалась так прямо, ей пришлось покорно уйти.

Ин Фушэн заметил, что маленькая принцесса совсем не хочет расставаться с вдовствующей императрицей и всё оглядывается на него с детским любопытством. Почувствовав это, он с доброй улыбкой протянул ей кусочек сладкого пирожного.

Принцесса тихо прошептала:

- Спасибо, старший брат, - и вскоре ушла вслед за наложницей.

Вдовствующая императрица внимательно заметила этот жест Ин Фушэна. Она прекрасно видела, на что намекают эти люди, приведя с собой принцессу - всё это было тесно связано с недавними слухами, ползущими по дворцу. Подумав некоторое время, она обратилась к нему:

- Ты хочешь вернуться к своей матери?

Взгляд Ин Фушэна на мгновение изменился, став более серьезным:

- Бабушка, внук должен проявлять сыновнюю почтительность у её постели.

Вдовствующая императрица слегка нахмурилась. Она знала правду: если бы наложница Нин действительно любила этого ребенка, она бы давно освободила его от этих изнурительных ежедневных визитов. Путь до дворца Вэйян в холодную погоду был для Ин Фушэна тяжелым испытанием, и то, что наложница Нин хранила молчание, было лишь пустой показухой для

окружающих.

Она помрачнела и, глядя на Ин Фушэна, тихо, с какой-то затаенной грустью вздохнула:

- Ты очень почтительный ребенок.

Ин Фушэн на мгновение замер. Хотя внешне он безупречно проявлял почтительность, само это слово в его сердце не имело никакого истинного значения.

В обеих его жизнях, сколько бы он ни старался быть сыном почтительным, всё неизменно заканчивалось плохо.

- Обсудим это позже, иди, - вдовствующая императрица махнула рукой, позволяя Ин Фушэну наконец отдохнуть. Он поднялся и заметил, что вдовствующая императрица прикрыла рот шелковым платком.

Уже собравшись уходить, он внезапно остановился и обернулся:

- Бабушка, на улице стало совсем холодно, - с заботой произнес Ин Фушэн. - Я велю Сунъяню приготовить отвар из снежной груши и вскоре пришлю его вам, чтобы вы могли согреться.

Когда Ин Фушэн наконец ушел, вдовствующая императрица, больше не сдерживаясь, тяжело закашлялась.

- Рабыня сейчас же позовет лекаря, - обеспокоенно произнесла тетушка Юй, поспешно подходя к ней.

Вдовствующая императрица лишь беспомощно и устало покачала головой:

- Это старая болезнь, она не пройдет. Сейчас я просто хочу попробовать суп из снежной груши.

Вернувшись в свои покои, Ин Фушэн незамедлительно передал соответствующее распоряжение Сунъяню.

Сунъань, будучи сосредоточенным на поручении, даже не заметил легкого недомогания вдовствующей императрицы. К тому же в последние дни в маленькой аптеке не готовили никаких специальных отваров для неё, поэтому он поспешно отправился исполнять приказ. Вернувшись, он увидел, что принц о чем-то глубоко задумался, глядя в окно в сторону покоев вдовствующей императрицы. Сунъань, чувствуя подходящий момент, осторожно спросил:

- Ваше Высочество, вы намерены сами отнести суп из снежной груши?

Ин Фушэн на мгновение замер, приходя в себя, и перевел взгляд на Сунъаня:

- Иди сам.

Видя, что принц не настроен продолжать этот разговор, Сунъань решил перейти к другому, более важному делу:

- Из дворца Вэйян все эти дни непрерывно приходят вести.

Ин Фушэн медленно подошел к столу, на котором лежали шахматы, присланные ему вдовствующей императрицей. С тех пор как он начал посещать занятия во дворце Вэньхуа, она регулярно присылала ему множество полезных вещей и подарков.

Черные и белые камни были беспорядочно рассыпаны по поверхности доски. Ин Фушэн опустил глаза, медленно перебирая их пальцами, и в то же время внимательно слушал доклад Сунъаня.

- Значит, время наконец пришло, - тихо, почти про себя произнес Ин Фушэн. - Наследный принц всё еще под арестом, а первый принц слишком рвется вперед, пытаясь выделиться. В итоге он сам стал идеальной мишенью.

Сунъань с легким недоумением посмотрел на Ин Фушэна, не до конца понимая ход его мыслей. Тот же осторожно опустил один из камней на доску и едва слышно добавил:

- Теперь всё зависит от Ху Бую.

С тех пор как принц помог семье Ху, господин Ху стал прислужником министерства обороны. Однако с того момента Ин Фушэн ни разу не вступал с ним в прямой контакт и не посылал ему никаких писем, в отличие от того, как он поддерживал связь с Шэнь Чанцунем. Он намеренно создавал видимость того, что между ними нет никакой связи.

- Нужно ли отправить письмо господину Ху, чтобы направить его действия? - спросил Сунъань.

- Если о каждом шаге нужно сообщать в письмах, это проигрышная партия, - Ин Фушэн резким, точным щелчком отправил черный камень на другую позицию. - По-настоящему умный человек сам знает, как действовать в данной ситуации.

Через несколько дней император стал гораздо чаще собирать чиновников для обсуждения государственных дел. После громкого дела о военном жалованье вскрылось немало скрытых угроз и старых заговоров. Император, назначив Ху Бую прислужником министерства обороны, фактически дал ему карт-бланш на любые действия. Тот решительно взялся за очистку рядов, подняв несколько старых, замятых дел, в одном из которых был замешан первый принц. Ху Бую официально доложил об этом на утреннем заседании, и император, пребывая в на редкость отличном расположении духа, при всех присутствующих чиновниках неожиданно и весьма многозначительно похвалил первого принца.

Ху Бую, приходя на службу, старался держаться как можно ближе к первому принцу, демонстрируя лояльность, но в реальных делах управления почти не пересекался с ним, сохраняя дистанцию.

После этого странного доклада императора многие чиновники всерьез призадумались, пытаются разгадать истинный смысл происходящего.

Как только заседание закончилось, прислужника Нин окликнули коллеги:

- Прислужник Нин в последнее время пользуется исключительной милостью императора! Все крупные дела вы выполняете просто блестяще, государь уже несколько раз лично хвалил вас перед всеми нами.

Прислужник Нин всегда был крайне восприимчив к лести, и, услышав столь явное признание своего успеха, буквально просиял:

- Что вы, что вы! Это всё исключительно благодаря помощи и поддержке коллег.

- Слышал, несколько дней назад господин Нин был в гостях у секретаря Сюя? - коллега попытался осторожно вывести дополнительные сведения. - Секретарь Сюй в последние годы

крайне редко принимает коллег, вы – единственный, кому выпала такая высокая честь.

Услышав это, прислужник Нин почувствовал мощный прилив радости и гордости. Он долгое время посылал секретарю Сюю приглашения, отчаянно надеясь заслужить его расположение, и был готов к очередному отказу. Но два дня назад, когда он в очередной раз отправил приглашение, его наконец-то приняли. Хотя они лишь выпили по чашке чая, этот короткий визит помог им значительно сблизиться.

– Возможно, для господина Нина наконец настал его звездный час, – с намеком произнес коллега.

Прислужник Нин с любопытством спросил:

– Что именно вы имеете в виду?

– Господин Нин, возможно, не заметил, но министр обрядов в последнее время совершил несколько серьезных ошибок, которые крайне не понравились императору. Теперь государь поручает все важные дела именно вам, разве это не знак особого, исключительного доверия? – коллега многозначительно добавил, понизив голос: – Люди уже говорят, что император намерен в ближайшее время повысить вас в ранге!

Прислужник Нин лишь рассмеялся, не желая отвечать прямо на многозначительные намеки коллеги, однако каждое произнесенное слово он бережно запечатлел в своей памяти.

Ему вовсе не требовались дополнительные объяснения – он и сам прекрасно всё понимал. Раньше подобные важные поручения никогда не доставались ему, он всегда оставался в тени. Но после дела о храме павших воинов его положение изменилось кардинально, и ключевой фигурой в этом преображении стал сам император. Теперь государь ценил его, и статус прислужника в глазах окружающих стал иным. При дворе в это время разгоралась ожесточенная борьба между партией первого принца и партией наследного принца, а его непосредственный начальник, министр обрядов, был тесно связан с князем Юнцзя. Кто же во всем дворце не знал, что род матери первого принца, клан Юнь, неразрывно связан с князем Юнцзя общими интересами и тайными договоренностями!

Секретарь Сюй, внезапно смягчив свое отношение к нему, фактически намекал на желание привлечь его на свою сторону, предлагая стать частью новой, более влиятельной коалиции.

Прислужник Нин с трудом сдерживал нарастающее нетерпение, предвкушая скорый взлет. И действительно, уже на следующий день, во время утреннего заседания, на министра обрядов была подана официальная жалоба.

В тот самый миг прислужник Нин с остротой почувствовал, что, когда приходит истинная удача, весь мир вокруг стремительно меняется. Министра обрядов обвинили в масштабной коррупции и грубом злоупотреблении властью, а самым сокрушительным ударом стало то, что доносчиком выступил его собственный, самый доверенный прислужник. Этого предательства было более чем достаточно, чтобы вызвать настоящую бурю в казавшемся доселе стабильным и спокойным дворце.

Однако, пока он был полностью поглощен государственными делами и интригами, наложница Нин присылала ему письмо за письмом, требуя внимания.

- Пусть она наконец успокоится со своими делами во дворце! - раздраженно бросил прислужник Нин, будучи слишком занят укреплением своего положения при дворе. - Я сам сообщу ей все новости, когда в следующий раз увижусь с государем.

Посланник, однако, не отступил и доложил:

- Бичжу говорит, что состояние наложницы в последнее время стало очень плохим...

Прислужник Нин был настолько ослеплен жадой продвижения по службе, что у него не оставалось ни времени, ни желания заниматься наложницей Нин. В какой-то момент он почувствовал, что был слишком резок, и вспомнил, что его дочь никогда не была из тех женщин, кто смиренно стерпит обиду. Все эти годы во дворце она вела дела осторожно, скрывая свои истинные намерения, но характер у неё был крайний, не знающий компромиссов. В ином случае она бы никогда не... не пошла на такую страшную вещь, как подмена ребенка.

- Если ей действительно плохо, пусть пригласит лекаря, - холодно распорядился он. - Передай ей, чтобы она не навлекла на себя лишнюю беду в это смутное время. Столько лет она терпела, потерпит и еще немного.

Когда посланник прибыл во дворец и передал этот ответ, наложница Нин, услышав слова мужа, в порыве ярости снова разбила немало ценных вещей.

Бичжу, в ужасе от происходящего, поспешно велела имперскому лекарю приготовить укрепляющие отвары для восстановления сил, дала наложнице Нин чай ясного ума, чтобы хоть

немного успокоить её разбушевавшийся дух, и уложила отдыхать. Наложница Нин пробыла в относительном покое полдня, но во сне внезапно вскрикнула и резко проснулась. Она смотрела на Бичжу растрепанными волосами, а в глазах застыл безумный огонь.

Бичжу, испугавшись её состояния, дважды позвала её, стараясь привести в чувство:

- Ваше Величество, вам снова приснился кошмар?

Наложница Нин, словно медленно очнувшись от этого кошмара, посмотрела на служанку холодным, пронзительным взглядом. Её лицо постепенно исказилось от затаенной злобы:

- Где этот ублюдок?

- Ваше Величество, шестой принц всё еще находится во дворце Цынин! - поспешно ответила Бичжу.

Наложница Нин окончательно пришла в себя, осознав, что всё еще находится под арестом, а кошмары, начавшиеся в храме Защиты Государства, теперь преследуют её повсюду, не давая покоя ни днем, ни ночью. Она каждую ночь видела в своих снах, как кто-то замечает, что лицо этого ублюдка становится всё более и более похожим на то самое лицо.

- Раз шестой принц всё еще не поправился, отправь ему еще немного лекарств для укрепления здоровья, - произнесла она с пугающей сладостью в голосе.

Бичжу замерла, мгновенно понимая, о каких именно «лекарствах» идет речь:

- Ваше Величество!

- Имперские лекари не распознают такую малую дозу, а ему придется изрядно помучиться, так почему бы и нет? - наложница Нин бормотала себе под нос, и её тон становился всё более жестоким и беспощадным. - Было бы еще лучше, если бы нашлось какое-нибудь средство, способное изуродовать лицо. Это лицо... его нельзя оставлять в таком виде.

Бичжу хотела возразить, попытаться остановить её, но наложница Нин посмотрела на неё, словно одержимый демон:

- Живо!

В густом полумраке, за плотными, тяжелыми занавесями.

Едкий, удушливый запах лекарств окутывал всё вокруг, проникая в каждую пору кожи. Кто-то приближался к постели. Наложница Нин вошла в комнату, и за ней безмолвно следовали слуги. Ин Фушэн медленно поднял голову. Слуги поднесли ему чашу с лекарством, в которой плавали темные остатки трав. С каждой секундой всё вокруг словно менялось, становясь зыбким и нереальным.

Под маской фальшивой заботы наложницы Нин Ин Фушэн безучастно смотрел, как чаша приближается к его губам. Наконец, его рука приняла её, и горький, обжигающий отвар потек по горлу. Он, словно не осознавая происходящего, глотал лекарство ложку за ложкой, чувствуя, как яд проникает внутрь...

В настоящем, во дворце Цынин, Ин Фушэн внезапно вскочил в испуге. Он резко склонился над кроватью, не в силах сдержать внезапные рвотные позывы, словно пытался физически вырвать из своего горла то, что проглотил в этом сне. Но вскоре он, повинувшись старой привычке, машинально потянулся к тайнику в кровати за набором игл, и, не найдя его, окончательно пришел в себя. Он замер, глядя на свои маленькие, детские руки.

Ин Фушэн долго сидел неподвижно, ошеломленно глядя на Сунъаня, который мирно отдыхал на маленькой кровати неподалеку. И лишь в этот момент он окончательно проснулся.

Кошмар... он прожил столько лет, сменил одну жизнь на другую, а всё еще видит такие сны.

Ему снилось прошлое, то время, когда он был наивен, доверял наложнице Нин и с благодарностью принимал смертельный яд, полагая, что это лекарство.

Ин Фушэн медленно опустил рукава, боковым зрением взглянув на курильницу с благовониями, и едва слышно прошептал:

- Ничего страшного.

Он сделал короткую паузу и добавил с холодной уверенностью:

- Кто-то другой скоро сойдет с ума.

<http://bllate.org/book/18055/1731094>